

**Община, общество, государство и культура
в России XVIII – первой половины XIX веков**

История России классического периода XVIII – первой половины XIX вв. может быть рассмотрена в качестве самостоятельного цикла социокультурного развития. Община и общество, крестьянство и дворянство минимально оппонировали друг другу в начале и в конце данной эпохи и были предельно разведены и противопоставлены друг другу в середине: условно, в 1700 г. сословный строй только начинал формироваться, в 1850 г. он уже деградировал, а в 1775 г. дворянство абсолютно противопоставлялось крестьянству, осуществляя свое господство над последним в форме крепостного права. Само государство – вотчинное в начале периода, и бюрократическое – в его конце, одинаково контролировало и крестьянство, и дворянство именно в начальный и конечный период рассматриваемой эпохи, и было фактически тождественным обществу в лице дворянства в ее середине. Максимальная эффективность государственной машины в плане социального управления относится как раз к этой середине (эпоха Екатерины II), минимальная – к началу и концу: при Петре I государство активно, а общество пассивно, но государство еще не полностью контролирует общество в силу собственной неразвитости, а при Николае I активным становится общество, а государство занято, главным образом, сдерживанием этой активности, при том, что государственный аппарат достигает высшей точки своего развития, но уже далеко не полностью контролирует общество.

Государство в эпоху Петра I выполняет функции общества по отношению к общине – оно выступает носителем структурности, рациональности и др. характеристик социума в модальности целого. Государство в этот момент как бы содержит в себе социум, является внешним формальным каркасом для аморфного социального наполнения; социум у него внутри, и оно больше последнего, несмотря на собственную неразвитость. В эпоху Николая I государство теряет свои функции целого – общество приобретает собственную структурность (гражданское общество) и перерастает морфологию государства, становится больше последнего. Государство теперь предстает по отношению к обществу как носитель общинных характеристик, тормозящий социальный прогресс, консервирующий общественное развитие. В середине же периода государство Екатерины II выступает одним иным и иным одного, представляя обществом по отношению к общине и общиной по отношению к обществу одновременно: государство разделяется в себе, выступая и творцом гражданского общества, и носителем деспотизма – политика Екатерины закономерно противоречива, как и сама фигура просвещенной монархини, – самодержицы, раздающей воль-

ные грамоты сословиям, иницирующей и подавляющей гражданскую активность, распространяющей просвещение и преследующей просветителей.

Будучи самим собой, т.е. одним и тем же логически, российский социум развивается от общины к обществу исторически, и этот путь лежит через сословное деление, оппозицию дворянства и крестьянства как двух основных социальных групп. Этот процесс находит свое выражение в культуре России рассматриваемого периода: в его начале она предстает как этническая, в середине – как сословная, и в конце – как национальная. Носителем этнической культуры выступает община, носителем национальной культуры – общество, в сословной же культуре общество и община взаимно противостоят, оппонируют друг другу. При этом максимум национального (в широком смысле) различия предполагает минимум социального, а минимум национального – максимум социального: отличаясь от иных социумов как нечто одно и разнообразно манифестируя в культуре это отличие, российский социум предстает как нечто единое – не делимое на сословно-статусные группы, а различаясь внутри себя при делении на последние, он естественным образом снимает свою внешнюю отличенность от иных. Иными словами, внутреннее тождество предполагает внешнее различие, внешнее тождество – внутреннее различие: социальное единство выступает оборотной стороной национальной раздробленности, национальное единство является оборотной стороной социальной раздробленности.

В этнической и национальной культурах минимизируется социокультурная оппозиция «верхов» и «низов», зато максимизируется отличие от иных народов и культур; в сословной культуре, наоборот, минимизируется отличие от иных культур, зато максимизируется внутренняя социокультурная оппозиция между элитой и массой (в нашем случае – дворянством и крестьянством; роль остальных социальных групп сугубо второстепенная – они выступают переходным состоянием между первыми и практически не имеют своего культурного лица). Дворянская культура сверхнациональна, ибо дворянство суть не национальная, а социальная (сословная) группа; крестьянская культура донациональна по тем же самым причинам, и это тем больше проявляется, чем больше они отличаются друг от друга.

Община этнична, общество национально; первое – это как бы социум в себе, второе – социум для себя. Чем меньше носитель этничности знает о своем отличии от иных, тем больше он от них отличается; чем больше носитель национальности знает о своем отличии от иных, тем меньше он отличается от них. Чем больше люди данного социума отличаются от других, тем меньше они об этом думают – и наоборот: чем меньше становится это отличие, тем больше они рефлексуют над ним. Этносы сильно отличаются друг от друга, но слабо осознают свою различность, нации же, наобо-

рот, меньше различаются, но больше осознают это различие. Этнические различия бытийны – природно обусловлены, национальные различия сущны – культурно зафиксированы. Природа порождает этнос – культура формирует нацию; различия этносов бытийно проживаются, различия наций сущно промышляются, и если этнические различия естественны (т.е. возникают сами по себе, независимо от воли человека), то национальные – искусственны (т.е. сознательно и целенаправленно создаются – «национализм порождает нацию»). Этнос существует в жизни, нация – в мысли, и реальность первого проживаема, а реальность второй – мыслима.

Когда мы говорим о том, что община – это крестьянство, а общество – это дворянство, то мы говорим это условно: это так - при условии, что мы разводим их логически, но не исторически. Дело в том, что в хронологической плоскости рассмотрения община суть социум, где крестьянство и дворянство еще минимально противопоставлены в плане социокультурных различий: их сословная и культурная оппозиция только формируется (в начале периода не было еще ни дворян, ни крестьян, а была иная система чиновного деления). Равно, когда мы говорим об обществе, то оно представляет собой такое состояние социума, в котором сословная оппозиция уже минимизирована (в конце периода значимыми становятся уже не сословные, а имущественные, образовательные, профессиональные и иные критерии социальной дифференциации). Хронологически община есть социум, где оппозиция дворянства и крестьянства еще минимальна (они минимально отличаются друг от друга, а значит, носителем общинности являются не крестьяне и не дворяне, а как бы их неразличенность), а общество суть социум, где эта оппозиция минимальна уже (см. выше). Эта оппозиция обретает свой максимум в расцвете государства, сила которого прямо пропорциональна величине противопоставленности сословий (что необходимо логически). Соответственно, когда мы говорим, что община является носителем этничности, то имеем в виду не крестьянскую общину, а весь социум целиком – социум, где оппозиция крестьянства и дворянства еще минимальна. А когда мы говорим, что носителем национальности является общество, то имеем в виду весь социум – социум, где оппозиция крестьянства и дворянства уже минимальна.

Путь от этнической культуры к культуре национальной лежал через культурную сегрегацию по сословному признаку, при этом первая его половина представляла собой аристократизацию, вторая – демократизацию культуры. В начале периода социокультурная близость крестьянства и дворянства носила бытовой, а в конце – идеологический характер: пока дворянин был близок к крестьянину по условиям и формам жизни, первый стремился усилить свое отличие от последнего формально-юридическим путем, когда же сама жизнь дворянина стала содержательно отличной от крестьянской, у части дворянства наметились очертания демократической идеологии. Аристократизация культуры означала разрушение ее этниче-

ского характера и выражалась в вестернизации, демократизация культуры означала складывание ее национального характера и выражалась в национализации, при этом вестернизация заключалась в перемене форм жизни и имела минимально рефлексивный характер, а национализация заключалась в изменении содержания мысли и была максимально интеллектуальной.